

Энн из Зелёных Крыш

Автор:

Люси Мод Монтгомери

Энн из Зелёных Крыш

Люси Мод Монтгомери

«Энн из Зелёных Крыш» – один из самых известных романов канадской писательницы Люси Монтгомери (англ. Lucy Montgomery, 1874-1942). *** Марилла и Мэтью Касберт из Грингейбла, что на острове Принца Эдуарда, решают усыновить мальчика из приюта. Но по непредвиденному стечению обстоятельств к ним попадает девочка Энн Ширли. Другими выдающимися произведениями Л. Монтгомери являются «История девочки», «Золотая дорога», «Энн с острова Принца Эдуарда», «Энн и Дом Мечты» и «Эмили из Молодого месяца». Люси Монтгомери опубликовала более ста рассказов в газетах «Кроникл» и «Эхо», прежде чем вернулась к своему давнему замыслу, книге о рыжеволосой девочке и ее друзьях.

Люси Монтгомери

Энн из Зелёных Крыш

Глава 1. Миссис Рейчел Линд удивляется

Миссис Рейчел Линд жила как раз в том месте, где главная дорога на Эйвонли спускалась вниз в небольшую лощину, заросшую ольхой со свисающими с ветвей серёжками, и пересекала ручей, который начинался глубоко в лесу, где стоял дом старого Касберта. Этот ручей тёк извилисто, вначале стремительный – затем разливался каскадом и превращался в тёмные таинственные пруды; а к

тому времени, как достигал поместья Линдов, стихал, это уже был благовоспитанный ручеек, ведь даже ручей не может протекать мимо двери миссис Рейчел Линд без соблюдения приличий. Он, вероятно, знал, что миссис Рейчел постоянно сидит у окна, наблюдая за всем происходящим, включая ручьи и детей, и что, если она заметила нечто странное или неуместное, она не успокоится, пока не узнает, что происходит.

Существует множество людей, как в Эйвонли, так и за его пределами, которые так интересуются делами своих соседей, что забывают о своих; но миссис Рейчел Линд принадлежала к тем немногим, кто способен успешно заниматься и своими делами, и чужими в придачу. Она была выдающейся хозяйкой, вся работа по дому выполнялась идеально; она также вела кружок кройки и шитья, помогала в воскресной школе, и состояла активным членом Благотворительной церковной организации, а также Общества помощи миссионерам. Тем не менее, при всем при этом, миссис Рейчел находила время, чтобы сидеть часами у окна кухни, вязать одеяла из толстых хлопковых нитей (их накопилось уже шестнадцать, как с придыханием рассказывали домохозяйки в Эйвонли), и наблюдать за главной дорогой, которая пересекала здесь лощину, а затем поднималась вверх на крутой красноватый холм.

Так как Эйвонли находится на треугольном полуострове в заливе Святого Лаврентия и окружён водой с двух сторон, всякий, кто приезжает или уезжает из этого посёлка— не пропустит дорогу на холме и таким образом, не ведая того, попадёт под всевидящее око миссис Рейчел.

Однажды в начале июня она как всегда сидела у окна. Солнце освещало всё вокруг своими тёплыми лучами. Сад, разросшийся на склоне за домом, был как-будто одет в свадебный наряд из розово – белых цветов, над которыми гудели рои пчел. Томас Линд, кроткий маленький человек, которого люди в Эйвонли называли «муж Рэйчел Линд», сажал репу на холмистом поле за сараем; и Мэтью Касберт тоже должен был этим заниматься на своём большом поле возле ручья, рядом с Зелеными крышами. Миссис Рейчел знала об этом, потому что слышала вчера, как он сказал Питеру Моррисону в магазине Уильяма Блэра в Кармоди, что собирается посеять семена репы на следующий день. Конечно, это Питер спросил его, Мэтью Касберт никогда сам не рассказывал о себе, если его не спрашивали.

И все же, вот он – Мэтью Касберт – в половине четвертого, в рабочий день, спокойно едет по дороге через лощину и вверх по холму. Кроме того, он надел

свой лучший костюм с белым воротничком, а это является доказательством того, что он уезжает куда-то из Эйвонли. А ещё сидел он в кабриолете, запряжённом гнедой кобылой, и это значило, что он собирается в дальнюю дорогу. Итак, куда же Мэттью Касберт едет и зачем?

Если бы это был любой другой человек в Эйвонли, миссис Рейчел, сложив два и два, легко бы нашла ответ на оба вопроса. Но Мэттью так редко выезжал из дома, что должно было случиться что-то необычное, раз он решился на поездку; ведь он был робкий человек и терпеть не мог ехать куда-то в незнакомое место и общаться с чужими людьми. Мэттью в костюме с белым воротничком и в кабриолете – это нечто из ряда вон выходящее. Миссис Рейчел задумалась, но так ничего и не придумала, и поэтому удовольствие от послеобеденного отдыха было испорчено.

– Я просто пройду к Зеленым крышам после чая и узнаю у Мариллы, куда он поехал и зачем, – наконец решила эта достойная женщина. – Он обычно не ездит в город в это время года, и он никогда не ходит в гости. Если бы он поехал за семенами репы, он не стал бы так одеваться и брать кабриолет. А если б ему нужен был врач, то он ехал бы быстрее. Тем не менее, что-то случилось прошлым вечером, что заставило его покинуть дом. Вот это головоломка! Но я не успокоюсь, пока не выясню, зачем Мэттью Катберт выехал из Эйвонли сегодня.

Итак, после чая миссис Рейчел собралась на прогулку. Идти было недалеко. Расстояние от поместья Линд до большого, раскинувшегося в саду, дома Касбертов составляло всего лишь четверть мили вверх по дороге. Однако дальше нужно было идти по длинной тропинке. Отец Мэттью Касберта, застенчивый и тихий, как и его сын, – выбрал самое уединенное место, когда строил дом – вблизи леса, но подальше от других людей. Дом «Зелёные крыши» был построен на самом краешке его участка, и там и стоял в наши дни, едва видимый с главной дороги, вдоль которой теснились все остальные дома в Эйвонли. Миссис Рейчел Линд считала, что жить в таком месте вообще невозможно.

«Тут можно только существовать» – бормотала она, шагая по узкой тропинке, обрамлённой кустами дикой розы. – «Это не удивительно, Мэттью и Марилла оба немного странные, ведь живут так уединённо. Деревья не очень хорошая компания, хотя их там, слава Богу, достаточно. Но я бы лучше общалась с людьми. Честно говоря, они оба кажутся вполне довольными; но всё же я думаю, что они просто привыкли к такому способу жизни. Человек ко всему привыкает,

даже к виселице, как говорят ирландцы».

Сказав эту речь, миссис Рейчел сошла с тропинки на задний двор Зеленых крыш. Очень зеленый, аккуратный и чистый, этот двор с одной стороны был окружён большими патриархальными ивами, а с другой – тополями в форме пирамид. Ни пылинки, ни соринки не было на этом дворе, а миссис Рейчел, конечно, заметила бы их, если бы они там были. На самом деле, она считала, что Марилла Касберт подметает двор так же часто, как и дом. Можно было есть прямо с земли и не бояться за свой желудок.

Миссис Рэйчел громко постучала в дверь кухни и вошла, когда услышала ответ. Кухня в Зеленых крышах была веселым местом – точнее, была бы веселой, если бы там не было так идеально чисто, как в больничной приёмной. Её окна выходили на восток и на запад: из западного окна, выходящего на задний двор, в кухню проникали мягкие лучи июньского солнца; а через восточное окно, обвитое зелёным плющом, можно было увидеть вишневые деревья в саду, все в белых цветах, и чуть ниже – стройные березы, кивающие своими кронами в ложине у ручья. Здесь обычно и сидела Марилла Касберт, если она вообще присаживалась, всегда немного не доверяя солнечным лучам, которые, как ей казалось, слишком подвижны и безответственны для нашего мира, который нужно воспринимать всерьёз. И вот она сидела сейчас и вязала, а стол за её спиной уже был накрыт к ужину.

Миссис Рейчел, ещё и дверь не закрыла, а уже заметила все, что было на этом столе. Там стояло три тарелки, значит, Марилла ожидала ещё кого-то к чаю вместе с Мэтью; но сами блюда были повседневные: яблочное повидло и только один пирог, так что ожидаемый гость не был кем-то значительным. Но как же белый воротничок Мэтью и гнедая кобыла? Миссис Рейчел почувствовала, как у неё кружится голова от этой необычной тайны в тихом и совершенно не загадочном доме Зеленые крыши.

– Добрый вечер, Рэйчел, – сказала Марилла бодро. – Сегодня прекрасный вечер, не так ли? Не хотите ли присесть? Как там ваша семья?

Что-то похожее на дружбу (за неимением других определений), существовало между Мариллой Касберт и миссис Рейчел, несмотря на их непохожесть, а возможно и благодаря ей. Марилла была высокой, худой женщиной, с угловатой, без всяких изгибов, фигурой; темные волосы с несколькими седыми прядями всегда скручены в жесткий небольшой узел с неизменными двумя

металлическими шпильками, торчащими из него. Она выглядела как женщина с консервативными взглядами и жесткими принципами; но было что-то в очертании ее губ, что позволяло предположить наличие у неё чувства юмора.

– У нас все хорошо, – сказала миссис Рейчел. – Я начала переживать по поводу вас, когда увидела, как Мэтью куда-то ехал сегодня. Я подумала, может быть, он едет к врачу.

Марилла понимающе улыbnулась. Она ожидала, что миссис Рейчел придёт всё разузнать, что вид проезжающего мимо Мэтью будет так необъясним для неё, что только разожжёт любопытство соседки.

– О, нет, я достаточно хорошо себя чувствую, хотя у меня ужасно болела голова вчера, – сказала она. – Мэтью поехал в Брайт Ривер. Мы берём мальчика из детского дома в Новой Шотландии, и он приезжает на поезде сегодня вечером.

Если бы Марилла сказал, что Мэтью уехал в Брайт Ривер, чтобы встретить кенгуру из Австралии – миссис Рейчел и то не была бы настолько удивлена. Она просто потеряла дар речи на несколько секунд. Было невозможно представить, что Марилла издевается над ней, но миссис Рейчел была почти уверена, что это глупая шутка.

– Вы это серьезно, Марилла? – спросила она, когда голос вернулся к ней.

– Да, конечно, – сказала Марилла, как будто брать мальчиков из детских домов в Новой Шотландии было обычным делом для любой приличной фермы в Эйвонли, а не странным новшеством.

Миссис Рейчел почувствовала себя растерянной. В мыслях её были сплошь восклицательные знаки: «Мальчик! Марилла и Мэтью Касберт берут себе мальчика! Из детского дома! Положительно, мир сошёл с ума! Её больше ничего не удивит после этого! Ничего!»

– Да как вам вообще пришла такая мысль в голову? – спросила она неодобрительно. Ведь это решение было принято без консультации с ней, значит, надо было показать своё недовольство.

– Ну, мы думали об этом некоторое время – точнее, всю зиму, – ответила Марилла. – Миссис Спенсер приезжала к нам перед Рождеством, и рассказала, что весной она собирается принять у себя в Хоуптоне маленькую девочку из приюта. Ее двоюродный брат живет в Хоуптоне, и миссис Спенсер навещала его и разузнала всё об этом. С тех пор мы с Мэтью только и говорили на эту тему. Мы решили, что возьмём мальчика. Мэтью уже в возрасте, вы знаете – ему за шестьдесят и он уже не так энергичен, как когда-то. И сердце его беспокоит. А вы знаете, как трудно найти хороших наемных работников. Тут можно нанять разве что глупых французских мальчишек; причём только кого-то возьмёшь и чему-то научишь – он сбежит на консервный завод или в Америку. Сначала Мэтью предложил взять английского мальчика. Но я сказала – нет. – С ними может быть все в порядке, – я не отрицаю, но лондонские бродяжки не для меня, – сказала я.

Пусть будет хотя бы местный. В любом случае мы рискуем, независимо от того, кого мы возьмем. Но мне будет легче и я буду спокойнее спать, если мы примем канадского мальчика. В конце концов, мы решили попросить миссис Спенсер, чтобы она выбрала нам мальчика, когда поедет за своей маленькой девочкой. На прошлой неделе мы услышали, что она собирается ехать, поэтому мы передали через родственников Ричарда Спенсера в Кармоди нашу просьбу о том, чтобы она привезла нам умненького мальчика лет десяти – одиннадцати. Мы решили, что это будет оптимальный возраст – достаточно взрослый, чтобы помогать нам по дому и достаточно юный, чтобы его можно было правильно воспитать. Мы дадим ему крышу над головой и хорошее образование. Сегодня мы получили телеграмму от миссис Спенсер – почтальон принес её со станции – там указано, что они приедут на поезде в пять-тридцать сегодня вечером. Так что Мэтью отправился в Брайт Ривер, чтобы встретить мальчика. Миссис Спенсер высадит его на станции, а сама поедет до остановки Уайт Сэндс.

Миссис Рейчел гордилась тем, что всегда прямо высказывала свое мнение. Она собиралась сделать это и сейчас, т. к. уже определилась с отношением к этой удивительной новости.

– Что ж, Марилла, я просто скажу вам прямо, что я думаю, вы делаете большую глупость и очень рискуете. Вы ведь даже не знаете, кого берёте. Вы приглашаете чужого ребенка в свой дом, ничего не зная о нем, ни о его характере, ни о его родителях, ни о том, что из него получится. Только на прошлой неделе я прочитала в газете, как один мужчина и его жена с западной части острова взяли мальчика из приюта, так он поджег ночью дом – причём

поджег нарочно, Марилла, и почти сжег их дотла в их собственных кроватях. А ещё знаю другой случай, когда приёмный мальчик съедал все сырые яйца и семья не могла ничего поделаться с этим. Если бы вы спросили моего совета в этом деле – чего вы не сделали, Марилла, я бы сказала: «Ради бога, даже не думайте об этом, вот так-то!»

Эта пылкая речь, казалось, ни обидела, ни встревожила Мариллу. Она продолжала вязать.

– Я не отрицаю, что частично вы правы, Рэйчел. Я немного сомневалась в этой затее. Но Мэтью очень хотел этого. Я уважаю его желание, поэтому приняла это. Так редко Мэтью чего-то по-настоящему хочет, что, когда он это делает, я чувствую, что мой долг – уступить. А по поводу риска – так риск есть в любом деле. Так же рискуют и семьи, когда рожают своих собственных детей. Если уж на то пошло – они тоже не всегда вырастают хорошими людьми. И потом, Новая Шотландия находится рядом с нашим островом. Было бы другое дело, если бы мы брали мальчика из Англии или Америки. А этот ребёнок не может сильно отличаться от нас самих.

– Ну, я надеюсь, что все в будет порядке, – сказала миссис Рейчел тоном, явно указывавшем на её сильные сомнения в этом. – Только не говорите, что я вас не предупредила, если он подожжёт Зеленые крыши или отравит колодец – я слышала о таком случае в Нью-Брансуик, где приёмный ребенок сделал это, и вся семья погибла в страшных муках. Только это была девочка.

– Ну, мы же не берём девочку, – сказала Марилла, как будто отравление колодцев было чисто женским делом и не касалось мальчиков. – Я никогда не мечтала взять девочку на воспитание. Интересно, зачем миссис Спенсер это делает. Впрочем, она может взять себе весь детский приют, если такая мысль придёт ей в голову.

Миссис Рейчел хотелось бы остаться до приезда Мэтью с приёмным мальчиком. Но, сообразив, что это займёт по крайней мере два часа, она решила пойти к дому Роберта Белла и рассказать все новости. Это, безусловно, будет сенсацией, а миссис Рейчел очень любила делать сенсации. Итак, она ушла – к немалому облегчению Мариллы, которая за последний час почувствовала, что ее сомнения и страхи возрождаются под влиянием пессимизма миссис Рейчел.

– Вот это да! – воскликнула миссис Рейчел, когда вышла на тропинку. – Это действительно похоже на сон. Жалко мне этого бедного ребёнка. Мэтью и Марилла ничего не знают о детях, и они ожидают, что он будет мудрее и рассудительнее его собственного дедушки, если у него когда-либо был дедушка, что сомнительно. Кажется как-то странно думать о ребёнке в Зелёных крышах – там никогда не было детей. Мэтью и Марилла были уже взрослыми, когда строился этот дом. Если они и были когда-нибудь детьми, то в это трудно поверить, когда смотришь на них. Я бы ни за что не хотела оказаться на месте этого сироты. Серьёзно, мне его жалко!

Так от всего сердца сказала миссис Рейчел кустам дикой розы. Но если бы она могла видеть ребёнка, который в это время терпеливо ждал на станции Брайт Ривер – её жалость была бы ещё больше.

Глава 2. Мэтью Касберт удивляется

Мэтью Касберт и гнедая кобыла неспешной трусцой проехали восемь миль до Брайт Ривер. Дорога была хорошая, она проходила мимо аккуратных домиков, чередовавшихся с душистыми пихтами и долинами, где цвели дикие сливы. Воздух был сладким от аромата яблоневых садов и лугов, исчезающих на горизонте в жемчужных и багряных сполохах; а

Маленькие птички пели «Тинь-тень»,
как будто раз в году был летний день.

Мэтью получал удовольствие от поездки, за исключением тех моментов, когда он встречал женщин и ему приходилось кивать им – на Острове Принца Эдуарда вы должны кивать всем встречным, независимо от того, знаете ли вы их или нет.

Мэтью боялся всех женщин, кроме Мариллы и миссис Рейчел; у него было неприятное ощущение, что эти загадочные существа тайно смеются над ним. Возможно, он был совершенно прав, считая так, потому что на вид он был довольно странным – с нескладной фигурой и длинными седыми волосами, спускающимися на его сутулые плечи, и пышной, мягкой тёмной бородой, которую он носил с тех пор, как ему исполнилось двадцать лет. На самом деле,

он и в двадцать выглядел так же, как в шестьдесят, разве что без седых волос.

Когда он добрался до Брайт Ривер – поезда не было видно. Он подумал, что ещё слишком рано, поэтому привязал лошадь во дворе небольшого отеля Брайт Ривер и пошел к зданию станции. Длинная платформа почти пустовала, единственным живым существом была девочка, сидевшая на куче черепицы в самом её конце. Мэтью, едва заметив, что это девочка, бочком прошёл мимо нее как можно быстрее, не глядя в её сторону. Если бы он посмотрел туда, он вряд ли смог бы не заметить напряженную скованность и ожидание во всей её фигуре. Она сидела там, ожидая чего-то или кого-то, а так как сидеть и ждать было единственным её занятием, то она сидела и ждала изо всех сил.

Мэтью столкнулся со станционным смотрителем, который запирает кассу, чтобы успеть домой к ужину, и спросил его, скоро ли прибудет поезд, который по расписанию должен быть в пять тридцать.

– Этот поезд прибыл полчаса назад и отправился дальше, – ответил этот бойкий служащий. – Но там был пассажир, которого высадили для вас – это маленькая девочка. Она сидит вон там на черепице. Я спросил ее, не хочет ли она пойти в дамскую комнату для ожидания, но она очень серьезно сообщила мне, что предпочитает остаться снаружи. «Тут больше возможностей для воображения» – сказала она. Необычная девочка, должен признать.

– Я не ожидал девочку, – сказал Мэтью растеряно. – Я приехал за мальчиком. Он должен быть здесь. Миссис Спенсер обещала привезти его из Новой Шотландии.

Станционный смотритель присвистнул.

– Думаю, здесь какая-то ошибка, – сказал он. – Миссис Спенсер сошла с поезда с этой девочкой и поручила её мне, сказав, что вы и ваша сестра взяли ее из детского дома, и скоро за ней приедете. Вот и все, что я знаю об этом. И я не видел тут других детей-сирот.

– Я не понимаю, – сказал Мэтью беспомощно, желая, чтобы Марилла была рядом, чтобы помочь ему справиться с этой ситуацией.

– Ну, вы лучше спросите девочку, – сказал станционный смотритель небрежно. – Я думаю, что она в состоянии сама всё объяснить – язык у неё хорошо подвешен,

это точно. Может быть, у них не было таких мальчиков, какие вам нужны.

Он быстро ушел, т. к. был голодным, а жаль, ведь Мэтью нужно было сделать то, что было труднее для него, чем навестить льва в его логове – подойти к девочке, чужой девочке – сироте, и спросить у неё, почему она не мальчик. Мэтью внутренне застонал, когда повернулся и побрел медленно по платформе прямо к ней.

Она наблюдала за ним с тех пор, как он прошел мимо нее, и смотрела на него и сейчас. Мэтью не смотрел на нее и не видел, какой она была на самом деле, но обычный наблюдатель увидел бы девочку лет одиннадцати, одетую в очень короткое, тесное, уродливое платье из желтовато – серой полушерстяной ткани. Она носила выцветшую коричневую матросскую шляпу, из под которой на спину спадали две ярко-рыжие косы. Ее лицо было маленьким, бледным и худым, с множеством веснушек, большим ртом и непонятного цвета глазами – они казались то зелеными, то серыми – в зависимости от освещения и настроения.

Всё это увидел бы обычный наблюдатель; а более внимательный человек мог бы заметить, что подбородок её чётко выраженный и решительный; что большие глаза полны воодушевления и жизнерадостности; что рот красиво очерченный и выразительный; а лоб – широкий и совершенный. Короче говоря, наш проникательный необыкновенный наблюдатель мог бы прийти к выводу, что удивительный дух живёт в теле этой бездомной девочки, которой стеснительный Мэтью Касберт так смехотворно боялся.

Мэтью, однако, был избавлен от испытания говорить первым, потому что, как только она поняла, что он идёт к ней, она встала, схватив одной тонкой смуглой рукой свой ветхий, старомодный саквояж; а другую она протянула ему.

– Я полагаю, вы мистер Мэтью Касберт из Зеленых крыш? – сказала она приятным, звонким голосом. – Я очень рада вас видеть. Я начала бояться, что вы не приедете за мной, и пыталась представить все, что могло случиться, чтобы помешать вам. Я решила, что, если вы не приедете за мной, я пойду по дороге к этой большой дикой вишне на повороте, залезу на неё, и останусь там на всю ночь. Я бы нисколечко не боялась, и это было бы прекрасно – спать на дереве дикой вишни, в белых цветах и лунном свете, как вы думаете? Можно представить, что живешь в мраморном дворце, не так ли? И я была совершенно уверена, что вы приедете за мной утром, если бы вы не приехали сегодня вечером.

Мэтью неловко взял худую маленькую руку – тогда-то он и решил, что делать. Он не мог сказать этому ребенку с горящими глазами, что это ошибка; он заберёт ее домой, и пусть Марилла скажет ей. Так или иначе, он не может оставить её в Брайт Ривер, пусть даже и произошла ошибка. А все вопросы и объяснения могут быть отложены до их возвращения в Зеленые крыши.

– Я сожалею, что опоздал, – робко сказал он. – Пойдем. Лошадь во дворе. Дай мне свою сумку.

– О, я сама могу нести её, – сказала девочка весело. – Она не тяжелая. Я храню там все мои вещи, но она совсем не тяжелая. Её нужно нести определенным образом – а то ручка отваливается, так что лучше я буду сама держать её, потому что знаю, как. Это очень старая сумка. О, я очень рада, что вы приехали, хотя спать на дикой вишне тоже интересно. Нам далеко ехать, правда? Миссис Спенсер сказала, восемь миль. Я рада, потому что люблю ездить. О, так хорошо, что я буду жить с вами, и принадлежать вам. Я никогда не принадлежала никому – по-настоящему. Но самым худшим был детский дом. Я была там только четыре месяца, но этого достаточно. Я не думаю, что вы когда-нибудь были сиротой в детском доме, так что вы не можете понять, как это. Это хуже, чем вы можете себе представить. Миссис Спенсер сказала, что плохо так говорить, но я не имею в виду ничего плохого. Очень просто сделать что-то нехорошее, даже не зная об этом, правда? Вообще-то воспитатели в детском доме были хорошими. Но там было так мало возможностей для воображения – только про других сирот. Было довольно интересно воображать разные вещи о них – представить себе, что, возможно, девочка, которая сидела рядом – в действительности дочь графа, которая была украдена в младенчестве у своих родителей злой нянькой, умершей прежде, чем она смогла признаться. Раньше я не спала по ночам и представляла всякое, потому что у меня не было времени на это днём. Я думаю, я поэтому такая худая, ведь я очень худая, не так ли? Сплошные кости. Я люблю представлять, что я хорошенькая и пухленькая, с ямочками на локтях.

И тут спутница Мэтью перестала говорить, отчасти потому, что она запыхалась и отчасти потому, что они пришли к кабриолету. Ни слова она не сказала, пока они не покинули деревню и не поехали вниз по крутому небольшому холму. Дорога тут врезалась так глубоко в мягкий грунт, что края её, с бахромой из цветущих веток диких вишен и тонких белых берез, поднимались на несколько футов над их головами.

Девочка протянула руку и отломала ветку дикой сливы, которая задела кабриолет.

– Разве это не прекрасно? На что похоже это дерево, наклонившееся над дорогой, все в белых кружевах, как вы думаете? – спросила она.

– Ну, я не знаю, – сказал Мэтью.

– Конечно же, на невесту... Невесту, всю в белом, с прекрасной кружевной вуалью. Я никогда не видела невест, но я могу себе представить, как она будет выглядеть. Я такая некрасивая, что никто никогда не захочет жениться на мне, разве что иностранный миссионер. Я думаю, иностранные миссионеры не очень переборчивы. Но я надеюсь, что когда-нибудь у меня будет белое платье. Это моё самое заветное желание. Я просто очень люблю красивую одежду. И у меня никогда не было красивого платья, насколько я помню, но зато есть, о чем мечтать, правда? Я могу себе представить, что одета великолепно. Сегодня утром, когда я вышла из детского дома, мне было так стыдно, потому что я была одета в это ужасное старое платье из полушерстяной ткани. Понимаете, все сироты должны были носить такие платья. Один купец из Хоуптона прошлой зимой пожертвовал триста ярдов полушерстяной ткани для приюта. Некоторые люди говорили, что это потому, что он не мог продать её, но я скорее поверю, что это было из милосердия, как вы думаете? Когда мы сели в поезд, я чувствовала, как будто все жалеют меня, когда смотрят в мою сторону. Но я просто представила себе, что я одета в самое красивое голубое шелковое платье, потому что, если уж представлять, то что-то стоящее, и большую шляпу с цветами и перьями, и золотые часы, и лайковые перчатки, и сапоги. Я сразу повеселела, и всю наслаждалась моей поездкой на остров. У меня даже не было морской болезни на пароходе. И у миссис Спенсер тоже, хотя обычно ей плохо. Она сказала, что у неё не было времени болеть, т. к. она наблюдала, чтобы я не упала за борт. Она сказала, что никогда не видела такого беспокойного ребёнка, как я. Но если это защитило ее от морской болезни, то это же хорошо, что я такая беспокойная, правда? И я хотела увидеть все, что только возможно на этом пароходе, потому что я не знаю, будет ли у меня еще такая возможность. О, сколько тут вишневых деревьев в цвету! Этот Остров весь такой цветущий. Я уже люблю его, и я так рада, что я буду жить здесь. Я и раньше слышала, что остров Принца Эдуарда самое прекрасное место в мире, и я представляла себе, что я живу здесь, но я никогда не ожидала, что на самом деле приеду сюда. Это восхитительно, когда ваши мечты сбываются, правда? Но эти красные дороги такие смешные. Когда мы сели на поезд в Шарлоттауне и

стали проезжать красные дороги – я спросила миссис Спенсер, почему они красные, и она сказала, что не знает, и чтобы я, ради Бога, не задавала ей больше никаких вопросов. Она сказала, что я, должно быть, задала ей уже тысячу вопросов. Я думаю, она права, но как же узнать о разных вещах, если не задавать вопросы? А почему эти дороги красные?

– Ну, я не знаю, – ответил Мэтью.

– Что ж, это ещё одна из вещей, которые мне нужно узнать. Разве это не прекрасно, что существуют так много вещей, о которых можно узнать что-то новое? Вот почему я чувствую радость от жизни – ведь вокруг такой интересный мир. Было бы и вполтину не так интересно, если бы мы знали все обо всем, правда? Тогда не было бы никакой возможности для воображения, не так ли? Но я, наверное, слишком много говорю? Мне всегда делают замечание, что я слишком болтлива. Может, вы хотите, чтобы я помолчала? Если что – вы говорите, и я не буду болтать. Я могу помолчать, хотя это трудно.

Мэтью, к его собственному удивлению, получал удовольствие от её щебетанья. Как большинство тихих людей, он любил болтунов, если они были готовы говорить и не ожидали от него ответа. Но он никак не думал, что будет наслаждаться обществом маленькой девочки. Женщины были не очень приятны в общении, но девочки были ещё хуже. Он терпеть не мог, как они пробирались бочком мимо него, с робкими взглядами, как будто ожидали, что он проглотит их, если они отважатся сказать хоть слово. Это была обычная манера поведения хорошо воспитанной девочки из Эйвонли. Но эта веснушчатая колдунья была совсем другая, и, хотя ему было довольно трудно – с его медлительностью – успевать за её мыслями, он подумал, что ему «кажется, нравится её болтовня». Поэтому он сказал, как обычно, застенчиво:

– О, ты можешь говорить сколько хочешь. Я не возражаю.

– Ой, я так рада. Я знаю, что мы с вами подружимся. Это такое облегчение, говорить, когда хочется, и чтобы никто не указывал, что дети должны молчать. Мне это говорили миллион раз. И люди смеются надо мной, потому что я использую напыщенные слова. Но если у вас есть возвышенные идеи, то вы должны использовать особые слова, чтобы выразить их, не так ли?

– Ну, это представляется разумным, – сказал Мэтью.

– Миссис Спенсер сказала, что на мой язык должен быть подвешен замок. Но так не получится. Мой язык закреплен только на одном конце. Миссис Спенсер сказала, что ваш дом называли Зелёные крыши. Я её спрашивала об этом. Она сказала, что вокруг дома растёт много деревьев. Я очень обрадовалась. Я ведь так люблю деревья. А их вообще не было вокруг детского дома, только несколько бедных маленьких кустиков перед входом, за белым заборчиком. Они сами выглядели, как сиротки, эти бедные растения. Мне хотелось плакать, когда я смотрела на них. Я говорила им: «О, мои бедные! Если бы вы росли в большом— пребольшом лесу с другими деревьями рядом, а пушистый мох и колокольчики росли у ваших корней, и мимо протекал ручеёк, и птички пели в ваших ветвях, то вы бы разрослись, правда? Но вы не можете расти там, где находитесь. Я знаю, что вы чувствуете, маленькие мои». Мне было жаль покидать их сегодня утром. Люди привязываются к таким вещам, не так ли? А рядом с Зелеными крышами есть ручей? Я забыла спросить миссис Спенсер об этом.

– Да, есть, сразу за домом.

– Замечательно! Я всегда мечтала жить рядом с ручьем. Но никогда не думала, что моя мечта сбудется. Мечты не часто сбываются, правда? Но было бы неплохо, если бы они сбывались? Но сейчас я чувствую себя почти счастливой. Правда, я не могу чувствовать себя совсем счастливой, потому что – ну, вот какого цвета это, как вы думаете?

Она перекинула одну из ее длинных блестящих кос через худое плечо и показала Мэтью. Мэтью не привык определять оттенки дамских локонов, но в этом случае не могло быть сомнений.

– Это рыжий, не так ли? – сказал он.

Девочка опустила косу со вздохом, который, казалось, исходил из самой глубины её сердца и выражал всю мировую скорбь.

– Да, это рыжий, – сказала она безропотно. – Теперь вы понимаете, почему я не могу быть совершенно счастлива? И никто не смог бы, у кого есть рыжие волосы. Я не возражаю против других вещей – веснушек, зеленых глаз, и того, что я такая худая. Я могу представить, что их нет, что у меня цвет лица, как лепестки розы, а глаза, как фиолетовые звёзды. Но я не могу себе представить, что у меня

волосы другого цвета. Я пытаюсь. Я думаю про себя: «Теперь мои волосы черные, как вороное крыло». Но все это время я знаю, что они просто рыжие и это разбивает мое сердце. Это мой пожизненный крест. Я однажды читала в романе о девушке, которая всю жизнь страдала, но не от рыжих волос. Ее волосы были, как чистое золото на алебастровом лбу. Что такое алебастровый лоб? Я никогда не могла понять. Вы можете мне объяснить?

– Боюсь, что не могу, – сказал Мэтью, у которого начала кружиться голова. Он чувствовал себя, как в молодости, когда другой мальчик заманил его на карусель во время пикника.

– Ну, тогда это, должно быть, что-то хорошее, потому что она была божественно красива. Вы когда-нибудь думали, что должен чувствовать человек, который божественно красив?

– Честно говоря, нет, – признался простодушно Мэтью.

– А я – да, очень часто. Что бы вы предпочли, если бы у вас был выбор: быть божественно красивым, удивительно умным или ангельски добрым?

– Хм – я точно не знаю.

– Я тоже. Я никак не могу решить, но это не имеет значения, потому что я вряд ли я когда-нибудь буду такой. И я уверена, что никогда не буду ангельски доброй. Миссис Спенсер говорит —... О, мистер Касберт! О, мистер Касберт!! О, мистер Касберт!!!

Это не были слова миссис Спенсер и девочка не вывалилась из повозки, и Мэтью не сделал ничего удивительного. Они просто проехали поворот и оказались на Бульваре.

«Бульвар», так его называли люди в Ньюбридже, это участок дороги длиной в четыре или пять сотен ярдов, над которым протянули свои ветви огромные, широко разросшиеся яблони, посаженные много лет назад эксцентричным старым фермером. Над головой был один длинный навес из белоснежных ароматных цветов. Под ним воздух был полон фиолетового сияния, а далеко впереди сверкало небо, окрашенное закатом, как витражное окно в соборе.

Эта красота, казалось, заставила девочку онеметь. Она откинулась на спинку кабриолета, скрестила свои худенькие руки и восторженно смотрела вверх на белое великолепие. Даже когда они проехали Бульвар, и ехали по длинному склону Ньюбриджа, она продолжала сидеть неподвижно и молчать. С не менее восторженным лицом она смотрела вдаль, на закат солнца, и в её глазах проносились чудесные видения на этом светящемся фоне. Через Ньюбридж, шумную небольшую деревню, где лаяли собаки, кричали дети, и любопытные лица выглядывали из окон, они проехали всё еще молча. И спустя три мили девочка не сказала ни слова. Очевидно, она могла молчать так же энергично, как и говорить.

– Мне кажется, ты устала и проголодалась, – осмелился наконец сказать Мэтью, предположив, что это было единственной причиной её молчания. – Но нам уже осталось немного проехать, всего около мили.

Девочка глубоко вздохнула и посмотрела на него мечтательным взглядом, как будто вернувшимся из просторов Вселенной.

– Ох, мистер Касберт! – прошептала она. – Это место, которое мы проезжали – белое место – что это было?

– Ты, наверное, имеешь в виду Бульвар, – сказал Мэтью после нескольких секунд раздумья, – это действительно милое место.

– Милое? О, слово милое не совсем подходит для этого места. И прекрасное тоже не подходит. Скорее чудесное – самое подходящее. Это место – единственное из всех, которые я видела в своей жизни, которое нельзя вообразить ещё чудеснее. Оно вызвало радость вот здесь, – она приложила руку к груди, – это вызвало даже боль, и все же это была приятная боль. У Вас когда-либо была такая боль, мистер Касберт?

– Честно говоря, я не могу припомнить.

– А у меня много раз – всегда, когда я вижу что-либо по-настоящему красивое. Но нельзя называть это прекрасное место Бульвар. Это название ничего не выражает. Нужно назвать его – дайте мне подумать – Белая Дорога Восхищения. Разве не хорошее образное название? Когда мне не нравится название места или имя человека, я всегда придумываю новое и всегда их так называю. Была

одна девочка в детском доме, которую звали Хепзиба Дженкинс, но я всегда называла ее Розалией Де Вер. Другие люди могут называть это место Бульваром, но я буду всегда называть его Белой Дорогой Восхищения. Нам действительно осталось проехать только милю до дома? Я рада, и вместе с тем я сожалею. Я сожалею, потому что эта поездка была так приятна, а я всегда сожалею, когда приятные вещи заканчиваются. Что-то приятное может случиться и потом, но Вы никогда точно не знаете. И так часто происходит, что это может быть не совсем приятное событие. Я знаю по своему опыту. Но я рада, что мы едем домой. Видите ли, у меня никогда не было настоящего дома, насколько я могу помнить. И у меня опять возникает эта приятная боль, когда я думаю, что еду в действительно настоящий дом. О, разве это не прекрасно?!

Они приехали вершину холма. Ниже был пруд, похожий на реку – такой длинный и широкий он был. Мост пересекал его посередине и с моста до того места, где янтарная гряда дюн отделяла пруд от темно-синего залива, вода была словно палитрой многих перетекающих оттенков – от полупрозрачных шафранных и нежно-зеленых до других неуловимых цветов, которым невозможно подобрать название. Выше моста пруд был окаймлен рощами елей и кленов, и мерцал тёмной водой в колеблющихся тенях. Тут и там виднелась дикая слива, склонившаяся к воде, словно девушка в белом, которая любит собственным отражением. Из болота вверху водоема доносился звонкий, печально— сладкий хор лягушек. Маленький серый домик выглядывал из белого яблоневого сада на склоне над прудом, и хотя еще не было очень темно, свет горел в одном из его окон.

– Это – пруд Барри, – сказал Мэтью.

– Нет, это имя мне тоже не нравится. Я буду называть его – дайте подумать – Озеро Мерцающих Вод. Да, это правильное название. Я знаю это по мурашкам. Когда я подбираю правильное название, которое подходит точно, у меня бегут мурашки по коже. У вас что-нибудь вызывает мурашки?

Мэтью размышлял.

– Наверное, да. У меня всегда бегут мурашки по коже, когда я вижу уродливых белых личинок, которые ползают в грядках огурцов. Я их терпеть не могу.

– О, я не думаю, что это можно сравнивать. Или вы думаете, что можно? Кажется, нет ничего похожего между личинками и озерами мерцающих вод, не так ли? Но почему другие люди называют этот пруд прудом Барри?

– Я думаю, потому что мистер Барри живет там в своём доме. Садовый Склон – так называется это место. Если бы не было того большого кустарника позади него, ты бы увидела Зеленые Крыши. Но мы должны проехать через мост и кружной дорогой, и это ещё около полмили.

– А есть у мистера Барри маленькие девочки? Ну, не так чтобы очень маленькие – моего возраста?

– У него есть дочь, приблизительно одиннадцати лет. Ее зовут Диана.

– О! – сказала она с глубоким вздохом. – Какое прекрасное имя!

– Я в этом не уверен. Есть что-то ужасно языческое в этом имени, как мне кажется. Я бы предпочёл имя Джейн или Мэри или любое другое разумное имя. Но когда Диана родилась, у них жил учитель, и они предоставили ему выбрать имя, так он и назвал ее Дианой.

– Жаль, что не было такого учителя, когда я родилась. О, мы уже на мосту. Я крепко зажмурюсь. Я всегда боюсь переезжать через мосты. Я не могу заставить себя не думать, что, возможно когда мы до едем до середины, он сложится как складной нож и прищемит нас. Поэтому я закрываю глаза. Но я всегда открываю их на середине. Потому что, если бы мост ДЕЙСТВИТЕЛЬНО рушился, то я хотела бы ВИДЕТЬ, как он рушится. С каким веселым грохотом он это делает! Мне всегда нравился такой грохот. Разве это не здорово, что есть столько вещей в этом мире, которые можно любить? Мы уже проехали— теперь я оглянусь назад. Спокойной ночи, дорогое Озеро Мерцающих Вод. Я всегда желаю спокойной ночи вещам, которые люблю, как и людям, я думаю, что им это нравится. Эта вода словно улыбалась мне.

Когда они проехали следующий холм, за поворотом Мэтью сказал:

– Мы довольно близко от дома. Зелёные Крыши вон...

– О, не говорите мне, – она прервала его, затаив дыхание, ухватившись за его приподнятую руку и закрыв глаза, чтобы не видеть, куда он показывает. – Позвольте мне предположить. Я уверена, что угадаю.

Она открыла глаза и посмотрела вокруг. Они были на вершине холма. Солнце уже село, но окрестности были все еще видны в мягком послезакатном свете. На западе темный церковный шпиль высился на фоне оранжевого неба. Ниже была небольшая долина, а за ней – мягкий покаты́й склон с аккуратными фермами, разбросанными по нему. Глаза девочки перебежали от одного домика к другому, быстро и задумчиво. Наконец они задержались на одном из них, слева от дороги, смутно белевшем в цветущих деревьях и сумерках окружающих лесов. Над ним, в юго-западной стороне безоблачного неба, сияла большая хрустально-белая звезда, как фонарь, указывающий путь одинокому страннику.

– Вот этот, правда? – сказала она, указывая на дом.

Мэтью восхищенно хлестнул вожжами по спине гнедой кобылы.

– Ты угадала! Но я думаю, что миссис Спенсер описала его, потому ты смогла угадать.

– Нет, она не описывала, действительно не описывала. Все, что она сказала, можно сказать и о других местах. У меня не было представления, на что он похож. Но сразу же, как только я увидела его, я почувствовала, что это тот самый дом. О, мне кажется, как будто я во сне. Знаете, моя рука должна быть вся в синяках, поскольку я щипала себя много раз сегодня. Очень часто, у меня было ужасное отвратительное чувство, что это всё происходит только в моих мечтах. Тогда я щипала себя, чтобы убедиться, что это правда— пока внезапно не вспомнила, что даже если это только сон, я должна спать и находиться в нём как можно дальше, поэтому я прекратила щипать себя. Но это не сон, и мы уже почти дома.

Со вздохом восторга она вновь замолчала. Мэтью тревожно заёрзал на сиденье. Он был рад, что это Марилла, а не он, должна сказать этой бездомной девочке, что дом, в котором она так хотела жить, не будет ее домом. Они проехали Долину Линд, где было уже довольно темно, но не настолько, чтобы миссис Рэйчел не могла заметить их из своего окна, и потом по холму и длинной тропинке завернули к Зеленым Крышам. К тому времени, когда они достигли

дома, Мэтью всё больше хотел избежать приближающегося открытия печальной правды с чувством, которого он не понимал. Это не имело отношения к Марилле, или к нему лично, или к проблемам, которые эта ошибка, вероятно, вызовет, его больше всего страшило разочарование ребенка. Когда он думал о том, что восхищение погаснет в глазах девочки, у него было неприятное чувство, что он собирался помочь в убийстве кого-то – почти такое же чувство, которое возникало, когда он должен был убить ягненка или теленка или любое другое невинное маленькое существо.

Двор был довольно темным, когда они въехали в него, и листья тополя тихо шелестели вокруг.

– Послушайте, как деревья говорят во сне, – прошептала девочка, когда Мэтью помог ей спуститься с кабриолета. – Какие хорошие сны они должны видеть!

Затем, крепко держа саквояж, который содержал в себе «все ее богатства», она последовала за ним в дом.

Глава 3. Марилла Касберт удивляется

Марилла торопливо вышла к ним, когда Мэтью открыл дверь. Но когда ее взгляд упал на странную маленькую фигурку в тесном, уродливом платье, с длинными рыжими косами и радостно сияющими глазами, она остановилась в изумлении.

– Мэтью Касберт, кто это? – воскликнула она удивлённо. – А где мальчик?

– Не было никакого мальчика, – сказал расстроено Мэтью. – Там была только она.

Он кивнул на девочку, вспомнив, что даже не спросил ее имя.

– Нет мальчика! Но должен быть мальчик, – настаивала Марилла. – Мы просили миссис Спенсер привезти мальчика.

– Ну, она этого не сделала. Она привезла ее. Я спросил станционного смотрителя. И мне пришлось привезти ее домой. Я не мог оставить ее на

станции, хоть и произошла ошибка.

– Ну и дела! – воскликнула Марилла.

Во время этого диалога ребенок молчал, ее глаза перебежали от одного к другому, все эмоции отображались на её лице. Внезапно она, казалось, уловила смысл сказанного. Уронив свой драгоценный саквояж, она сделала шаг вперед и всплеснула руками.

– Вы не хотите брать меня! – воскликнула она. – Вы не хотите брать меня, потому что я не мальчик! Я могла бы это предвидеть. Никто никогда не хотел брать меня. Я должна была знать, что все это было слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Мне следовало знать, что на самом деле я никому не нужна. Ох, что мне делать? Я собираюсь разрыдаться!

И она разрыдалась. Упав на стул возле стола, она сложила руки, уткнулась в них лицом и расплакалась. Марилла и Мэтью растерянно переглянулись через печку. Ни один из них не знал, что сказать или сделать. Наконец Марилла нерешительно шагнула к ней.

– Ну, ну, не надо так плакать.

– Нет, надо! – Девочка быстро подняла голову, показывая заплаканное лицо и дрожащие губы. – Вы бы плакали тоже, если б были сиротой и приехали в место, где, как вы думали, будет ваш дом, и обнаружили, что вас не хотят брать, потому что вы не мальчик. Ох, это самая трагическая вещь, которая когда-либо со мной случалась!

Что-то вроде слабой улыбки, заржавевшей от длительного бездействия, смягчило мрачное выражение лица Мариллы.

– Ну, не плачь больше. Мы не собираемся выставлять тебя на улицу на ночь глядя. Тебе придется остаться здесь, пока мы не выясним, в чём дело. Как тебя зовут?

Девочка заколебалась на мгновение.

- Можете называть меня Корделия? - спросила она умоляюще.

- Корделия? Это твое имя?

- Не-е-ет, это не совсем мое имя, но я бы с удовольствием звалась Корделией. Это такое шикарное имя.

- Я не понимаю, что конкретно ты имеешь в виду. Если Корделия не твоё имя, то как тебя зовут?

- Энн Ширли, - неохотно сказала владелица этого имени, - но, пожалуйста, называйте меня Корделия. Ведь не имеет значения, как меня зовут, если я останусь у вас ненадолго, правда? И Энн - это такое неромантическое имя.

- Романтическое— неромантическое— это чепуха! - сказала строго Марилла. - Энн - очень хорошее, обычное, разумное имя. Тебе не нужно стыдиться его.

- О, я не стыжусь его, - объяснила Энн, - только Корделия мне кажется лучше, я всегда хотела, чтобы меня звали Корделия, по крайней мере, в последние годы. Когда я была младше, я хотела быть Джеральдиной, но Корделия мне нравится больше. Но если вы будете называть меня Энн, пожалуйста, говорите Энн, а не Энни.

- Какая разница, так или этак? - спросил Марилла с той же смутной улыбкой, берясь за чайник.

- О, большая разница. Энн звучит гораздо приятнее. Когда вы слышите, как имя произносится, разве вы не видите его в уме, как если бы оно было напечатанным? Энни выглядит ужасно, но Энн гораздо более значительно. Если вы будете называть меня только Энн, а не Энни, я постараюсь примириться с тем, что меня не зовут Корделией.

- Очень хорошо. Тогда, Энн, а не Энни, ты можешь рассказать нам, как произошла эта ошибка? Мы посылали миссис Спенсер за мальчиком. Или в детском доме не было мальчиков?

– О, там их было даже слишком много. Но миссис Спенсер отчетливо сказала, что вы хотели девочку лет одиннадцати. И заведующая сказала, что я подойду. Вы не знаете, с каким восторгом я приняла эту новость. Я не могла спать всю ночь от радости. О! – добавила она укоризненно, обращаясь к Мэтью, – почему вы не сказали мне на станции, что не хотите меня, и не оставили меня там? Если бы я не увидела Белую Дорогу Восхищения и Озеро Мерцающих Вод, мне не было бы сейчас так трудно.

– Что за места она имеет в виду? – требовательно спросила Марилла у Мэтью.

– Она просто вспоминает наш разговор в дороге, – сказал Мэтью поспешно. – Я пойду займусь лошадью, Марилла. Приготовь чай к моему возвращению.

– Разве миссис Спенсер больше никого не везла, кроме тебя? – продолжила спрашивать Марилла, когда Мэтью вышел.

– Она взяла Лили Джонс для себя. Лили всего пять лет, и она очень красивая, у неё каштановые волосы. Если бы я была очень красивой и у меня были бы каштановые волосы – вы бы взяли меня?

– Нет, мы хотели взять мальчика, чтобы он помогал Мэтью на ферме. От девочки нам нет никакой пользы. Сними шляпу. Я положу её и твою сумку на столе в коридоре.

Энн покорно сняла шляпу. Мэтью вернулся в дом, и они сели ужинать. Но Энн не могла есть. Напрасно она щипала хлеб с маслом и клевала яблочное повидло из маленькой стеклянной вазочки возле её тарелки. Она никак не продвинулась в этом деле.

– Ты ничего не ешь, – резко сказала Марилла, разглядывая ее, как будто это было серьезным недостатком.

Энн вздохнула.

– Я не могу. Я в глубоком отчаянии. Можете ли вы есть, когда находитесь в глубоком отчаянии?

– Я никогда не была в глубоком отчаянии, поэтому не могу сказать, – ответила Марилла.

– Никогда не были? Ну, хотя бы пробовали когда-нибудь представить, что вы в глубоком отчаянии?

– Нет, не пробовала.

– Тогда я не думаю, что вы можете понять, что это такое. Это правда очень неприятное чувство. Когда пытаешься есть – но кусок не лезет в горло, и вы ничего не можете глотать, даже если это конфеты. Я один раз ела шоколадную конфету два года назад, и это было просто восхитительно. Мне часто снилось с тех пор, что у меня много шоколадных конфет, но я всегда просыпаюсь, как только собираюсь съесть их. Я надеюсь, вы не обидитесь, что я не могу есть. Все очень вкусно, но я все равно не могу ничего съесть.

– Я думаю, что она устала, – сказал Мэтью, который молчал с тех пор, как вернулся из конюшни. – Лучше уложи ее в постель, Марилла.

Марилла как раз думала о том, где устроить Энн на ночь. Она подготовила кушетку в каморке возле кухни для желанного и ожидаемого мальчика. Но, хотя каморка эта была опрятной и чистой, похоже, она не совсем подходила для того, чтобы уложить спать там девочку. И комната для гостей тоже не подходила для этого бездомного ребёнка, так что оставалась только комната на крыше в восточной части дома. Марилла зажгла свечу и велела Энн следовать за ней, что та и сделала, забрав свою шляпу и саквояж со стола в коридоре. Коридор был пугающе чистым; а маленькая комната, в которой они вскоре оказались – казалась еще чище.

Марилла установила свечу на треугольный столик на трех ножках, и расстелила постель.

– Я полагаю, у тебя есть ночная рубашка? – спросила она.

Энн кивнула.

– Да, у меня есть две – воспитательница в детском доме пошила их для меня. Они очень маленькие. В детском доме всегда всего не хватает, так что вещи всегда маловаты, по крайней мере, в таком бедном детском доме, как наш. Я ненавижу маленькие ночные рубашки. Но можно спать в них так же хорошо, как и в прекрасных длинных ночных рубашках, с оборками вокруг шеи. Хоть это является утешением.

– Ну, раздевайся скорее и ложись спать. Я вернусь через несколько минут, чтобы погасить свечу. Я не могу доверить тебе её погасить, а то ещё устроишь пожар.

Когда Марилла ушла, Энн тоскливо огляделась вокруг. Выбеленные стены были такими болезненно голыми, что глядя на них, она думала, что они сами должны страдать от собственной наготы. Пол был тоже голым, хотя в середине его лежал круглый плетеный коврик. Таких ковриков Энн никогда не видела раньше. В одном углу стояла кровать, высокая и старомодная с четырьмя темными столбиками. В другом углу был уже упомянутый треугольный столик, украшенный пухлой подушечкой для булавок из красного бархата, достаточно плотной для самых острых булавок. Над ним висело маленькое, шесть на восемь дюймов, зеркало. Между столиком и кроватью находилось окно, с белоснежной муслиновой занавеской сверху, а напротив него стоял умывальник. Вся комната была такой суровой, что не описать словами, и эта холодность пробрала Энн до мозга костей. С рыданием она поспешно сняла свою одежду, надела тесную ночную рубашку и прыгнула в кровать, где зарылась лицом в подушку и натянула одеяло на голову. Когда Марилла пришла за свечой, лишь скудные предметы одежды, разбросанные по полу и смятая постель были единственными признаками чьего-либо присутствия в комнате.

Она неспешно взяла одежду Энн, сложила её аккуратно на чопорный желтый стул, а затем, взяв свечу, подошла к кровати.

– Спокойной ночи, – сказала она, немного неловко, но доброжелательно.

Бледное лицо и большие глаза внезапно появились над одеялом.

– Как вы можете желать мне спокойной ночи, когда знаете, что это будет худшая ночь в моей жизни? – укоризненно спросила Энн.

Затем она снова нырнула под одеяло.

Марилла медленно пошла на кухню и начала мыть посуду, оставшуюся после ужина. Мэтью курил, что было верным признаком его смущения. Он редко курил, потому что Марилла была против этой его вредной привычки. Но иногда ему хотелось покурить и Марилла закрывала на это глаза, понимая, что время от времени мужчина должен иметь некоторую свободу.

- Ну и дела! - гневно сказала она. - Вот что происходит, когда просишь о чём-то других вместо того, чтобы сделать самому. Родственники Ричарда Спенсера что-то напутали с нашей просьбой. Один из нас должен будет поехать завтра к миссис Спенсер. Эту девочку нужно отправить обратно в детский дом.

- Да, я тоже так думаю, - сказал Мэтью неохотно.

- Ты так думаешь?! Разве ты не уверен в этом?

- Ну, она действительно милый ребёнок, Марилла. Немного жалко отправлять ее обратно, когда она так хочет остаться здесь.

- Мэтью Катберт, ты же не хочешь сказать, что мы должны оставить ее у себя?!

Изумление Мариллы не могло бы быть большим, даже если бы Мэтью выразил желание стоять на голове.

- Ну, теперь, нет, я полагаю, точно нет, - заикался Мэтью, загнанный в угол этим вопросом. - Я полагаю, - вряд ли кто-то может от нас ожидать, что мы оставим её.

- Конечно, нет. Что за толк нам будет от неё?

- Может, ей будет толк от нас, - сказал Мэтью внезапно.

- Мэтью Касберт, я считаю, что этот ребенок околдовал тебя! Я ясно вижу, что ты хочешь оставить ее.

- Ну, она действительно забавная, - настаивал Мэтью. - Ты бы слышала, что она говорила, когда мы ехали со станции.

– О, она может болтать без умолку. Я сразу это увидела. Это не свидетельствует, однако, в её пользу. Я не люблю детей, которые так много говорят. Я не хочу брать девочку из детского дома, но даже если бы хотела – я бы не выбрала её. Я чего-то не понимаю в ней. Нет, нужно отправить её обратно.

– Я мог бы нанять французского мальчика, чтобы помогал мне, – сказал Мэтью, – а она будет компаньонкой для тебя.

– Мне не нужна компаньонка, – сказала Марилла. – И я не собираюсь оставлять ее.

– Ну, хорошо, как скажешь, Марилла, – сказал Мэтью, поднимаясь и откладывая трубку. – Я иду спать.

Мэтью ушёл. После того, как она вымыла посуду, пошла спать и Марилла, решительно нахмутив брови. А наверху, в восточной комнате на крыше, одинокий, нуждающийся в участии и любви ребенок, плакал во сне.

Глава 4. Утро в Зелёных крышах

Уже рассвело, когда Энн проснулась и села в кровати, смущенно глядя в окно, через которое лился поток весёлого солнечного света, и было видно, как что-то белое и пушистое парило в ярко-голубом небе.

В первое мгновение она не могла вспомнить, где находится. Сначала она почувствовала восхитительный трепет, как будто случилось что-то очень приятное; а потом пришло ужасное воспоминание – она в Зелёных крышах, и её не хотят брать, потому что она не мальчик!

Но было утро, а за окном цвела вишня. Энн выпрыгнула из кровати и подбежала к окну. Она толкнула створку – она поддалась со скрипом, как будто не открывалась очень долго, что, впрочем, так и было; она застряла так крепко, что нужно было приложить усилия, чтобы открыть ее.

Энн упала на колени, вглядываясь в июньское утро, глаза её блеснули от восторга. О, разве тут не красиво? Разве это не прекрасное место? Пусть даже она не останется здесь, она представит, что останется. Тут есть возможность помечтать.

Большая вишня росла за окном, так близко, что ветви её касались дома, и она была так плотно усыпана цветами, что даже листьям не было видно. С обеих сторон от дома был большой фруктовый сад, где росли и яблони и вишневые деревья, все в цветах; а трава под ними была усыпана одуванчиками. В саду на склоне росла сирень, вся в гроздьях фиолетовых цветов, и их головокружительно сладкий аромат доносился с утренним ветром из окна.

За садом виднелось зеленое поле, покрытое пышным клевером. Оно простиралось к долине, где бежал ручей и множество белых берез беззаботно росло в подлеске, наводящем на мысль о восхитительном отдыхе среди папоротников, мхов и лесных растений. За долиной был холм, зеленый и пушистый от елей и пихт; а дальше виднелся просвет, в который выглядывала серая крыша домика, который Энн раньше заметила на другой стороне Озера Мерцающих Вод.

Слева были большие амбары и за ними спускались вниз к игристому синему сверкающему морю зеленые поля.

Глаза Энн, чувствительные ко всему прекрасному, задержались на этой красоте, жадно впитывая всё, что было перед ней. Она видела много неприятных мест в своей жизни, бедняжка. Но это прекрасное место превосходило самые смелые её мечты.

Она стояла на коленях, забыв обо всем, кроме очарования, окружавшего её, пока не почувствовала чью-то руку на своём плече. Марилла прервала её мечтания.

– Пора бы одеться, – коротко сказала она.

Марилла действительно не знала, как разговаривать с ребенком, и неудобное ей самой незнание делало ее строгой и решительной помимо её воли.

Энн встала и глубоко вздохнула.

– О, разве это не замечательно? – сказала она, указывая рукой на чудесную картину за окном.

– Это большое дерево, – сказал Марилла, и оно красиво цветёт, но даёт плохие плоды – маленькие и червивые.

– О, я имею в виду не только дерево; конечно, оно прекрасно – чарующе прекрасно – оно цветет так, как будто это самое важное занятие на свете – но я имела в виду все: и сад, и деревья, и ручей, и лес, – весь этот прекрасный мир. Вы не чувствуете в такое утро, что любите весь мир? И я могу услышать, как ручей смеется неподалеку. Вы когда-нибудь замечали, что ручьи очень веселые существа? Они всегда смеются. Даже в зимнее время я слышала их смех подо льдом. Я так рада, что в Зеленых крышах есть ручей. Возможно, вы думаете, что это не имеет значения для меня, раз вы не собираетесь оставлять меня, но это не так. Я всегда буду вспоминать, что есть ручей возле Зеленых крыш, даже если никогда не увижу его снова. Если бы здесь не было ручья, меня бы преследовало

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/montgomeri_lyusi-mod/enn-iz-zelenyh-krysh

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)